

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1826.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Aetas prima canat vanae, extrema tumultus.

PROPERTIUS. II. 8.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санкт-петербургъ, 8 Октября 1825 года.

Цензоръ Александръ Виуковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ошъ Издательей..... xi

Э Л Е Г И И.

- I. Пробужденіе. 1816..... 3
- II. Мечташелоу. 1818..... 5
- III. (Увы, зачѣмъ она блистаетъ). 1819..... 7
- IV. (Мой другъ, забышы мной слѣды). 1821..... 8
- V. Друзьямъ. 1816..... 9
- VI. Выздоровленіе. 1818..... 10
- VII. Война. 1821..... 12
- VIII. (Я пережилъ мои желанья). 1821..... 14
- IX. (Умолкну скоро я) 1821..... 15
- X. Гробъ юноши. 1821 16
- XI. (Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты) 1823.. 19
- XII. (Ты вянешь и молчишь) *Подражаніе Ан.
Шенье* 1824..... 21
- XIII. (Погасло дневное свѣшло). *Подражаніе
Байрону* 1820..... 22
- XIV. Сожженное письмо. 1825..... 24
- XV. (Ненастный день попухъ). *Отрывокъ.* 1823... 25
- XVI. Желаніе славы. 1825..... 27
- XVII. Андрей Шенье. 1825..... 29

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.	Къ Овидію. 1821	39
II.	Русалка. <i>Баллада.</i> 1819.....	44
III.	Гробъ Анакреона. 1815.....	48
IV.	Черная шаль. <i>Молдавская пѣсня.</i> 1820.....	50
V.	Торжествъ Вакха. 1817.....	53
VI.	Фоншану Бахчисарайскаго дворца. 1820.....	57
VII.	Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. 1822.....	59
VIII.	Пѣвецъ. 1816.....	65
IX.	Амуръ и Гименей. <i>Сказка.</i> 1816.....	66
X.	Разлука. 1817.....	69
XI.	Адели. 1822.....	70
XII.	Виноградъ. 1820.....	71
XIII.	Спансы Т — му. 1819.....	72
XIV.	Уединеніе. 1819.....	74
XV.	Прозерпина. 1824.....	76
XVI.	Домовому. 1819.	78
XVII.	Вакхическая пѣсня. 1825.....	79
XVIII.	Въ альбомъ. 1825.....	80
XIX.	Друзьямъ. 1822.....	81
XX.	Къ морю. 1824.....	83
XXI.	Демонъ. 1823.....	87
XXII.	Подражаніе Турецкой пѣснѣ. 1820.....	89

XXIII. Тѣлега жизни. 1823.....	90
XXIV. Наполеонъ. 1821.....	91

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I. Пріяшелямъ	99
II. (Охотникъ до журнальной драки).....	100
III. (У Кларисы денегъ мало).....	101
IV. Добрый человекъ.....	102
V. Ex ungue leonem.....	103
VI. Исторія стихошворца.....	104
VII. Уединеніе.....	105
VIII. Лилъ.....	106
IX. Роза.....	107
X. Имянины.....	108
XI. Къ портрету Жуковскаго.....	109
XII. Надпись къ портрету * * *.....	110
XIII. К. А. Б.....	111
XIV. Старикъ. <i>Изъ Марота</i>	112
XV. Веселый пиръ	113
XVI. (Хоть впрочемъ онъ поэшь изрядный)....	114
XVII. Иностранкъ.....	115
XVIII. (Какъ брань шебъ не надоѣла).....	116
XIX. Къ * * *	117
XX. Пріяшелю	118
XXI. Пшичка.....	119

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.	Муза. 1821.....	123
II.	Доридѣ. 1820.....	124
III.	(Рѣдѣнъ облаковъ лешучая гряда). 1820....	125
IV.	Юноша. Сафо. 1825.....	126
V.	Нереида. 1820	127
VI.	Діонея. 1821	128
VII.	Дорида. 1820	129
VIII.	Дѣва. 1821.....	130
IX.	Ночь. 1823.....	131
X.	Примѣшы. 1821.....	132
XI.	Земля и море. <i>Идиллія Мосха</i> . 1821.....	133
XII.	Красавица передъ зеркаломъ. 1821.....	134

П О С Л А Н І Я.

I.	Лицинію. <i>Сб латинскаго</i> . 1815.....	137
II.	В * * * му. 1819.....	141
III.	П * * * ну. <i>Отрывокъ</i> . 1817.....	145
IV.	Ш * * * ву. 1816.....	147
V.	Дельвигу. 1817	149
VI.	Кривцову. 1819.....	151
VII.	Алексѣву. 1821.....	153
VIII.	К * * * ну. 1821.....	155

IX.	Козлову. <i>По полученіи отъ него Чернеца.</i> 1825.....	156
X.	Прелестницѣ. 1818.....	158
XI.	Н. Н. 1819.....	160
XII.	Ч***ву. <i>Съ морскаго берега Тавриды.</i> 1820...	162
XIII.	Гречанкѣ. 1822.....	164
XIV.	Дочери Карагеоргія. 1820.....	166
XV.	Жуковскому. <i>На изданіе книжекъ его: Для немногихъ.</i> 1818	167
XVI.	Ч***ву. 1821.....	169

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

I.	(Клянусь чешой и нечешой) 1824.....	175
II.	(О жены чистыя пророка). 1824.....	177
III.	(Смушась, нахмурился пророкъ). 1824.....	179
IV.	(Съ Тобою древлѣ, о Всесильный). 1824...	181
V.	(Земля недвижна). 1824.....	182
VI.	(Недаромъ вы приснились мнѣ). 1824.....	183
VII.	(Возснанъ, боязливый). 1824	185
VIII.	(Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою). 1824.....	186
IX.	(И пушникъ усталый на Бога ропшалъ). 1824.....	187
	Примѣчанія.....	190

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Е Й.

Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно называемыхъ поэмъ.

Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса гитателей въ пользу своихъ поэтигескихъ дараваній. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снизхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поугительно будетъ для занимающихся словесностію, сравнить гетырнадцатилѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтигескихъ его досуговъ въ первое дѣсятилѣтіе авторской жизни.

Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодитескихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ это

первое въ нѣкоторомъ порядкѣ собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и передъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки. Для предварительной поправки выписываемъ замѣчанныя нами.

Напечатано :

Надобно поправить :

Стран. Строк.

54.	11.	ноги	роги
60.	7.	Волхвы	« Волхвы
79.	9.	Подвинемъ	Подыmemъ
149.	2.	забошь	забошь и бѣдь

Э Л Е Г И И.

Э Л Е Г И И.

I.

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость!
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во шмѣ глубокой
Я пробуждѣнъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улѣтъли
Толпою прочь
Любви мечшанья.

Еще полна
Душа желанья
И ловишь сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Внемли моления:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И пошпру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный!

II.

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ спраси горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лишь,
Напраснымъ пламенемъ помилъ воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе шайшь:
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искашель,
Поспигло спрашное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ швоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи
На ложѣ, медленно шерзаемый шоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вошще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
Повѣрь, шогда бъ ты не пилалъ
Неблагодарнаго мечшанья.
Нѣшь, нѣшь! Въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный, испушленной,
Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:

Ошдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возмите ошь меня сеи образъ роковой!
Довольно я любилъ: ошдаите мнѣ покой!
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Оспались вѣчно бы съ побой.

III.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минушною, нѣжною красою!
Она примѣшно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянешь! Жизнью молодою
Недолго наслаждаешься ей;
Недолго радовать собою
Щаспливыи кругъ семьи своей;
Безпечной, милой оспрошою
Бесѣды наши оживлять,
И шихой, ясною душою
Спрадальца душу услаждать!
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаешься рѣчей веселыхъ
И наглядѣшься на нее.
Смошрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждыи звукъ рѣчей:
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

IV.

Мой другъ! Забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И радости моей мятежное печенье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
    Что я любилъ, что измѣнило мнѣ!
Пусть я радости вкушаю неполнѣ!
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, лешучій мигъ лови!
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
    Для поцѣлуевъ сладострасья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему себя внимашь безумства и страстей
    Незанимательную повѣсть?
Она твоей тихой умъ невольно возмутишь;
Ты слезы будешь лишь, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безопасность улешишь,
И ты моей любви, быть можешь, ужаснешься.
Быть можешь, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишишься я боюсь послѣднихъ наслажденій:
Не пребудь отъ меня опасныхъ опкровеній!
Сегодня я люблю, сегодня щасливъ я!

V.

Д Р У З Ъ Я М Ъ.

Богами вамъ еще даны
Злашые дни, злашья ночи,
И помныхъ дѣвъ усшремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойше, о друзья!
Ушрапьте вечеръ скорошечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

VI.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣль, милый другъ?
 Или невѣрное по было сновидѣнье,
 Мечтанье смущное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волноваль мое воображенье?
 Въ минушы мрачныя болѣзни роковой
 Ты ль, дѣва нѣжная, спояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью прищной?
 Такъ, видѣль я себя! Мой шусклыи взоръ узналъ
 Знакомыя красы подѣ сей одеждой ратной;
 И слабымъ шопотомъ подругу я назваль...
 Но вновь въ умѣ моемъ спѣснились мрачны грезы:
 Я слабою рукои искаль себя во мглѣ...
 И вдругъ я чувствую швое дыханье, слезы
 И влажныи поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
 Безсмершныи! Съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни оишь по сердцу пробѣжаль!
 Я закипѣль, зашрепешаль:
 И скрылась шы прелеспнымъ привидѣньемъ.
 Жестокки другъ! Меня шомишь шы упоеньемъ:
 Приди, меня мершвишь любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! Пускаи увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, постыжай, прелесный воинъ мой,
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова низпослали боги,
А съ нимъ и сладкія превози
Любви таинственной и шалости молодой.

VII.

В О Й Н А.

Война! . . . Подьяшы наконецъ ,
 Шумяшь знамена бранной чести !
 Увижу кровь, увижу праздникъ мести ;
 Засвищешь вокругъ меня губительный свинець .
 И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей !
 Спремлеешь бурныхъ ополченій
 Тревоги спана , звукъ мечей
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье ратныхъ и вождей !
 Предметы гордыхъ пѣснопѣній
 Разбудяшь мой уснувшій геній .
 Все ново будетъ мнѣ : просная сѣнь шатра ,
 Огни враговъ , ихъ чуждое зыванье ,
 Вечерній барабанъ , громъ пушки , визгъ ядра
 И смерти грозной ожиданье .
 Родишься ль ты во мнѣ , слѣпая славы спрась ,
 Ты , жажда гибели , свирѣпый жаръ героевъ ?
 Вънокъ ли мнѣ двойной достанется на часъ ,
 Кончину ль шемную судилъ мнѣ жребій боевъ ,

И все умреть со мной : надежды юныхъ дней ,
Священный сердца жарь , къ высокому спремленью ,
Воспоминаніе и брата и друзей ,

И мыслей шворческихъ напрасное волненье ,
И пы , и пы , любовь ? ... Уже ль ни бранный шумъ ,
Ни ратные труды , ни ропоть гордой славы ,
Ничшо не заглушишь моихъ привычныхъ думъ ?

Я шаю , жерпва злои оправы :

Покой бѣжишь меня ; нѣпть власти надъ собой ,
И шягосшная лѣнь душою овладѣла ...

Чшо жь медлишь ужась боевой ?

Чшо жь бишва первая еще не закишла ? ...

VIII.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечшы;
Оспались мнѣ одни спраданья,
Плоды сердечной пустошы.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣшущій мой вѣнецъ;
Живу печальными, одинокой,
И жду: придешь ли мой конецъ!

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣшкѣ обнаженной
Трепещешь запоздалы лисшъ.

IX.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны оплѣчали ;
Но если юноши , внимая молча мнѣ ,
Дивились долгому любви моей мученью ;
Но если ты сама, предавшись умиленью ,
Печальные стихи швердила въ шшинѣ
И сердца моего языкъ любила спрасшной ;
Но если я любимъ : позволь , о милый другъ ,
Позволь одушевишь прощальный лиры звукъ
Завѣшнымъ именемъ любовницы прекрасной !
Когда меня навѣкъ обymeшь смершны сонъ ;
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ :
Онъ мною былъ любимъ , онъ мнѣ былъ одолжёнъ
И пѣсень и любви последнимъ вдохновеньемъ !

X.

Г Р О Б Ъ Ю Н О Ш И.

.....Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ пишомецъ нѣжной;
 Кругомъ него глубокій сонъ
 И хладъ могилы безмяшежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ шѣни деревь
 Онѣ кружились на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужь его припѣвъ.

Давно ли спарцы любовались
 Его веселостью живой,
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 И мы любили хороводы,
 Блиспали пакже въ насъ умы;
 Но погоди, приспѣюшь годы,
 И будешь шо, что нынѣ мы;
 Какъ намъ, о міра гощь игривый,

Тебѣ постынешь бѣлый свѣтъ;
 Теперь играй! » . . . Но спарцы живы,
 А онъ увяль во цвѣтѣ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ,
 Другихъ ужъ полюбилъ успѣвъ;
 Ужь рѣдко, рѣдко именуешь
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ жень, его любившихъ,
 Одна, быть можешь, слезы льешь,
 И памяшь радостей почившихъ
 Привычной думою зовешь . . .
 Къ чему?

Надъ ясными водами

Гробницы мирною семьей
 Подъ наклоненными крестами
 Тался въ роцѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа спарая шумитъ,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,

И вокруг безчувственной гробницы
Ручей журчить и шепчетъ лѣсъ ;
Напрасно упромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идешь и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаешь :
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

XI.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугающее мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даришь надеждою пуслою
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мною овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страшной
Бесѣды чужды, одинъ и молчаливы,
Терзаюсь я досадою одинокой!
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнию и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводишь ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мерщивъ, любви не выражая.

**

Скажи еще : соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заспавъ меня съ шобой,
Зачѣмъ тебя привѣшпшвуешь лукаво?...
Чшо жь онъ тебѣ? Скажи , какое право
Имѣешь онъ блѣднѣшь и ревновашь?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣша,
Безъ мапери , одна , полуодѣша,
Зачѣмъ его должна шы принимашь?...
Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
Ты шакъ нѣжна! Лобзанія швои
Такъ пламенны! Слова швоей любви
Такъ искренно полны швоей душою!
Тебѣ смѣшины мученія мои;
Но я любимъ , тебя я понимаю.
Мой милый другъ , не мучь меня , молю!
Не знаешь шы , какъ сильно я люблю ,
Не знаешь шы , какъ шяжко я спрадаю!

XII.

Ты вянешь и молчишь ; печаль тебя снѣдаешь ;
 На двѣспвенныхъ устахъ улыбка замираешь .
 Давно швоей иглой узоры и цвѣпы
 Не оживлялися . Безмолвно любишь пы
 Груспишь . О , я знапокъ въ дѣвической печали !
 Давно глаза мои въ душѣ швоей чинали .
 Любви не упайшь : мы любимъ , и какъ насъ ,
 Дѣвицы нѣжныя , любовь волнуешь васъ .
 Щаспливы юноши ! Но кто , скажи , межъ ними
 Красавецъ молодой съ очами голубыми ,
 Съ кудрями черными ? . . . Краснѣешь ? Я молчу ,
 Но знаю , знаю все ; и если захочу ,
 То назову его . Не онъ ли вѣчно бродить
 Вкругъ дома швоего и взоръ къ окну возводишь ?
 Ты вшайнѣ ждешь его . Идешь , и пы бѣжишь ,
 И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь .
 Никто на праздникъ блиспательнаго мая ,
 Межъ колесницами роскошными лешая ,
 Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
 Не власшвуешь конемъ по прихоши своей !

XIII.

Погасло дневное свѣшило;
 На море синее вечерній палъ шуманъ.
 Шуми , шуми , послушное въприло!
 Волнуися подо мною , угрюмый океанъ!
 Я вижу берегъ опдаленный ,
 Земли полуденной волшебные края :
 Съ волненьемъ и шоской шуда спремлюся я ,
 Воспоминаньемъ упоенныи . . .
 И чувствую : въ очахъ родились слезы вновь;
 Душа кипишь и замираешъ ;
 Мечша знакомая вокругъ меня лешаешъ ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣшь безумную любовь ,
 И все , чѣмъ я спрадалъ , и все , что сердцу мило ,
 Желаніи и надеждъ шомишельныи обманъ . . .
 Шуми , шуми , послушное въприло!
 Волнуися подо мною , угрюмыи океанъ!
 Леши , корабль , носи меня къ предѣламъ дальнымъ
 По грозной прихоши обманчивыхъ морей ,
 Но шолько не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моеи .

Страны, где пламенем спарасшей
Впервые чувства разгарались,
Где музы нежные мне пайно улыбались,
Где рано в бурях опщвала
Моя пошерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное спраданью предала!
Искашель новых впечатлений,
Я вас бжал, опчески края!
Я вас бжал, нпомцы наслаждений,
Минушной младости минушны друзья!
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жершвовала собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забышы мной, изменницы младыя,
Подруги пайныя моей весны зашыя,
И вы забышы мной!... Но прежних сердца рань,
Глубоких рань любви, ничшо не излечило...
Шуми, шуми, послушное вшрило!
Волнуися подо мной, угрюмый океань!...

XIV.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Какъ долго медилъ я! Какъ долго не хошла
Рука предать огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталъ; гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои приметъ...
Минушу... вспыхнули... пылають... легкіи дымъ
Віась перяется съ молніемъ моимъ.
Ужъ персяня вѣрнаго упрятя впечашлѣнне,
Разтопленный сургучъ кипитъ... О провидѣнне,
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣшныя черны
Бѣлѣють... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,
Оспрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди!

XV.

НЕНАСТНЫЙ день попухъ; ненастной ночи мгла
 По небу спелешся одеждою свинцовою;
 Какъ привидѣніе за рощею сосновой
 Луна шуманная взошла...

Все мрачную поску на душу мнѣ наводишь.
 Далеко, шамъ, луна въ сіяніи возводишь;
 Тамъ воздухъ напоенъ вечерней шеплопой;
 Тамъ море движется роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами...

Вошь время! По горѣ шеперь идешь она
 Къ брегамъ, попопленнымъ шумящими волнами;
 Тамъ, подъ завѣшными скалами,

Теперь она сидишь печальна и одна...

Одна....никшо предъ нею не плачешъ, не шоскуешъ;
 Никшо ея колѣнь въ забвеніи не цѣлуешъ!

Одна.. ничьимъ усшамъ она не предаешъ

Ни плечъ, ни влажныхъ усшь, ни персеи бѣлоснѣжныхъ!

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Никшо ея любви небесной не достоинъ!

Не правда ль: ты одна...ты плачешь... я спокоеиъ;

• • • • •
Но если • • • • •

XVI.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный ,
 Безмолвно предъ собой коленнопреклонный ,
 Я на себя глядѣль и думаль: шы моя;
 Ты знаешь, милая, желаль ли славы я!
 Ты знаешь: удалень ошъ вѣщреннаго свѣша,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
 Успавъ ошъ долгихъ бурь, я вовсе не внималь
 Жужжанью дальному упрековъ и похваль.
 Могли ль меня молвы превожись приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ шомишельные взоры
 И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
 Шепшала шы: скажи, шы любишь, шы щаспливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я сшѣсенное молчаніе храниль,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Чшо нѣшъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И чтоже? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Чшо я, гдѣ я? Сшою,

Какъ пупникъ, молніей постигнушый въ луспынѣ,
И все передо мной зашмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
Желаю славы я, чшобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ пы мною
Окружена была, чшобъ громкою молвою
Все, все вокругъ шебя звучало обо мнѣ,
Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ шишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

XVII.

А Н Д Р Е Й Ш Е Н Ь Е.

(Посвящено Н. Н. Раевскому.)

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveilloit....

Межь шѣмь, какъ изумленный міръ
На урну Байрона зриаешь,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данше шѣнь его внимаешь,

Зовешь меня другая шѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спраданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечпы
Звучишь незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлешь онъ и пы.

Подьялась вновь усталая сѣкира
 И жершву новую зовешь.
 Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
 Въ послѣднѣи разъ ему поешь ¹.

Заутра казнь, привычный пирь народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поешь? Поешь она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!
 Я плахъ обречень. Послѣднѣе часы
 Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
 Палачь мою главу подыметъ за власы
 Надъ равнодушною толпою.
 Просише, о друзья! Мои безпріюшннй прахъ
 Не будешъ почивать въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранъ назначали.

Но , други , если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминанье;
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьте , милые , мой жребій въ шишинѣ!
 Спрашитесь возбудишь слезами подозрѣнье!
 Въ нашъ вѣкъ , вы знаете , и слезы преспушенье :
 О братъ сожалѣть не смѣешь нынѣ братъ.
 Еще жь одна мольба : вы слушали спокрапъ
 Спихи , лепучихъ думъ небрежныя созданья ,
 Разнообразныя , завѣшныя преданья
 Всей младости моей. Надежды и мечпы
 И слезы и любовь , друзья , сіи листы
 Всю жизнь мою храняшь. У Авеля , у Фанни ² ,
 Молю , найдите ихъ! Невинной музы дани
 Сберите ! Спрогій свѣтъ , надменная молва
 Не будутъ вѣдашь ихъ. Увы , моя глава
 Безвременно падешъ ! Мой нездорѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ швореній.
 Я скоро весь умру. Но , пѣнь мою любя ,
 Храните рукопись , о други , для себя!
 Когда гроза пройдетъ ; шолпою суевѣрной
 Сбирайтесь иногда читашъ мои свипокъ вѣрной ,
 И , долго слушая , скажите : эпо онъ!
 Вошь рѣчь его ! А я , забывъ могильный сонъ ,

Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь... и, можешь быть, утѣшенъ буду я
 Любовью. Можешь быть, и *Узница* моя ³,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая... »

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младыи пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, поскокой
 Промчалась передъ нимъ. Красавиць томны очи
 И пѣсни и пиры и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и спиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
 Свободу и друзей и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою златую младость;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и спихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.

Когда жь, вакхальною превогой упомясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспалась ,
 Я ушромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смяпеніи и гнѣвѣ ;
 Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ ,
 Мои проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ ,
 Она меня гнала, бранила и прощала :
 Какъ сладко жизнь моя лилась и упекала !
 Зачѣмъ опть жизни сей, лѣнливой и простой,
 Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой ,
 Гдѣ спрассти дикія, гдѣ буйные невѣжды
 И злоба и корысть ! Куда, мои надежды ,
 Вы завлекли меня ! Чпо дѣлашь было мнѣ ,
 Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и шишинѣ ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами !
 Мнѣ ль было управляшь спропшивыми конями
 И крупно напрягать безсильныя бразды ?
 И чпо жь оставлю я ? Забышые слѣды
 Безумной ревности и дерзоссти ничпожной.
 Погибни, голось мой ! И ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пустои . . .

« О нѣшь !

Умолкни, ропощъ малодушнои !

Гордись и радуйся, поэтъ!
 Ты не поникъ главой послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣшъ :
 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя.
 Твои свѣшочь, грозно пламенѣя ,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣшь правителей безславныхъ 4;
 Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ

. . . . .

Твой стихъ свисалъ по ихъ главамъ ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду ;
 Ты пѣлъ Марашовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и двѣу-эвмениду!
 Когда свяшый старикъ ошь плахи опрываль
 Вънчанную главу рукой оцѣпенѣлой :
 Ты смѣло имъ обоимъ руку даль ,
 И передъ вами шренешалъ
 Ареопагъ оспервенѣлой.
 Гордись , гордись , пѣвецъ ! А ты , свирѣпый звѣрь ,
 Моей главой играй шеперь !
 Она въ швоихъ когшяхъ . Но слушай , знай , безбожный :
 Мой крикъ , мой ярый смѣхъ преслѣдуешь шебя !
 Пей нашу кровь , живи , губя :
 Ты все пигмей , пигмей ничшожный .

И часъ придетъ . . . и онъ ужь недалёкъ:
 Падешь , тирань ! Негодованье
 Воспрянешь наконецъ . Опечесства рыданье
 Разбудишь упомленный рокъ.
 Теперь иду . . . пора . . . но ты спуай за мною !
 Я жду тебя . »

Такъ пѣль воспорженный поэшь.
 И все покоилось . Лампады тихій свѣтъ
 Блѣднѣль предъ ушренной зарёю ,
 И ушро вѣяло въ темницу . И поэшь
 Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры . . .
 Вдругъ шумъ . Пришли , зовушь . Они ! Надежды нѣтъ !
 Звучашъ ключи , замки , запоры .
 Зовушь . . . Постой , постой ! День только , день одинъ :
 И казней нѣтъ , и всѣмъ свобода ,
 И живъ великїи гражданинъ
 Среди великаго народа 5.
 Не слышашъ . Шесипвіе безмолвно . Ждетъ палачъ .
 Но дружба смершныи пушь поэша очаруетъ 6.
 Вошь плаха . Онъ возшелъ . Онъ славу именуешь 7 . . .
 Плачь , муза , плачь ! . . .

* *

Р А З Н Ы Я
СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ О В И Д І Ю.

Овидій! Я живу близъ тихихъ береговъ,
Копорымъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оспавиль.
Твой безошрадный плачь мѣста сіи прославиль:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмль;
Еще швоей молвой наполненъ сеи предѣль.
Ты живо впечатлѣль въ моемъ воображенѣ
Пустыню мрачную, поэша започенье,
Туманный сводъ небесь, обычные снѣга
И крашкой шеплошой согрѣшые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнь игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидіи, за шобою!
Я видѣль швои корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженныи близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждешъ шѣвца любви жеспокая награда:
Тамъ нивы безъ шѣнен, холмы безъ винограда;

Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны ,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣпые сыны ,
За Пспромъ ушаясь , добычи ожидающъ ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ .
Преграды нѣшь для нихъ : въ волнахъ они плывущъ
И по льду звучному безрешенно идущъ .
Ты самъ (дивись , Назонъ , дивись судьбѣ превратной !
Ты , съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рашной ,
Привыкнулъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождашь безпечные часы) ,
Ты будешь принужденъ взложитъ и шлемъ тяжелой ,
И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой .
Ни дочь , ни жена , ни вѣрный сонмъ друзей ,
Ни музы , легкія подруги прежнихъ дней ,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали .
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали ,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть :
Ни слава , ни лѣша , ни жалобы , ни грусть ,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронуть ;
Дни старости твоей въ забвеніи пошонуть .
Златой Италіи роскошный гражданинъ ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь ;
Ты въ шажкѣ горести далекой дружбѣ пишешь :

« О возвратите мнѣ священный градъ опцовъ
 И пѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други! Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гнѣвныи богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не выдашь себя, великин Римъ;
 Послѣднюю мольбою смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
 Твое уныніе и слезы укорись?
 Кто въ грубой гордоспи прочтешъ безъ умиленья
 Си элегии, послѣднія шворенья,
 Гдѣ ты свой щещепныи спонъ попомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ и собою и жизнью недовольный,
 Съ душою задумчивою, я нынѣ посѣпилъ
 Сшрану, гдѣ грустныи вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ шобою мечпы воображенья,
 Я повшорилъ твои, Овиди, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя карпины повѣрляю;
 Но взоръ обманушымъ мечшаньямъ измѣнялъ.

Изгнаніе швое плѣняло вшайнѣ очн ,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣшится небесная лазурь ;
 Здѣсь крапко царспвуешь жестокость зимнихъ бурь.
 На скиѣскихъ берегахъ переселенець новый ,
 Сынъ юга , виноградъ блиспаешь пурпуровый.
 Ужь пасмурный декабрь на рускіе луга
 Слоями разспилала пушистые снѣга ;
 Зима дышала шамъ : а съ вешней теплотою
 Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною ;
 Младую зеленью песпрѣлъ увядшіи лугъ ;
 Свободныя поля взрывалаъ ужь ранніи плугъ ;
 Чуть вѣяла вѣшерокъ , подь вечеръ холодѣя ;
 Едва прозрачный ледъ , надь озеромъ шускнѣя ,
 Кришпалломъ покрывалаъ недвижныя спруи .
 Я вспомнилъ опышы несмѣлые швои ,
 Сей день , замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ ,
 Когда шы въ первый разъ ввѣралаъ съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ , окованнымъ зимой :
 И по льду новому , казалось , предо мной
 Скользила шѣнь швоя , и жалобные звуки
 Неслися издали , какъ помный спонь разлуки .
 Ушѣшься : не увялаъ Овидіевъ вѣнецъ !
 Увы , среди шолпы зашерянный пѣвецъ ,

Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній :
И, жертва шемная, умрешь мои славыи геній
Съ печальной жизнью, съ минушною молвой! . . .
Но если, обо мнѣ попомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искашь въ странѣ сей опдаленной
Близъ праха славнаго мои слѣдъ уединенной :
Бреговъ забвенія оставя кладну сѣнь ,
Къ нему слешить моя признательная шѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранишся же завѣшное преданье :
Какъ шы, враждующей покоршвуя судьбѣ ,
Не славою , учаспью я равень былъ тебѣ.
Здѣсь, лирои сѣверной пущыни оглашая ,
Скишался я въ шѣ дни , какъ на брега Дуная
Великодушныи Грекъ свободу вызывалъ :
И ни единыи другъ мнѣ въ мѣръ не внималъ ;
Но чуждые холмы , поля и рощи сонны
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

II.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ , въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ ,
Всегда въ заняшїяхъ суровыхъ,
Въ постѣ , моливѣ и шрудахъ.
Уже лопашкою смиренной
Себѣ могилу спарецъ рылъ,
И лишь о смерти вождельнной
Свяшыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣшомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорешъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй ;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяць въ облакахъ
Тихонько по небу капился.
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно страха полный;
Не можешь самъ себя понять...
И видишь: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходишь женщина нагая,
И молча съѣла у береговъ.

Глядишь на спараго монаха
И чешешь влажные волосы.
Свяшой монахъ дрожишь со страха
И смотришь на ея красы.
Она манишь его рукою,
Киваешь быспро головой...
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ утрюмой
И не молился цѣлый день:

Передь собой съ невольной думой
Все видѣль чудной дѣвы шѣнь.
Дубравы вновь одѣлись шмою ;
Пошла по облакамъ луна ,
И снова дѣва надъ водою
Сидишь , прелесшна и блѣдна.

Глядишь , киваешь головою ,
Цѣлуешь издали шупя ,
Играешь , плещешься волною ,
Хохочешь , плачешь , какъ дитя ,
Зовешь монаха , нѣжно спонешь . . .
« Монахъ , монахъ ! Ко мнѣ , ко мнѣ ! . . . »
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь :
И все въ глубокой шишинѣ.

На шрешій день опшельникъ спрасшной
Близь очарованныхъ бреговъ
Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной ,
А шѣнь ложилась средь дубровъ . . .

Заря прогнала шму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду съдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

III.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи :

Холмъ одѣлся темношюй ;

Ходишь въ облачномъ сіяньи

Полумѣсяць молодой.

Вижу : лира надъ могилой

Дремлешь въ сладкой шишинѣ ;

Лишь порою звонъ унылой ,

Будшо льни голосъ милой ,

Въ мершвой слышишься струнѣ.

Вижу : горлица на лирѣ ,

Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ . . .

Други , здѣсь почишь въ мирѣ

Сладоспращія мудрець.

Посмотрите : на порфирѣ

Оживиль его рѣзецъ !

Здѣсь онъ въ зеркало глядишься ,

Говоря : я съдѣ и сшарь ,

Жизнью дайше жъ на сладисься ;

Жизнь , увы , невѣчный дарь !

Здѣсь , поднявъ на лиру длани

И нахмуря важно бровь ,
Хочешь пѣшь онъ бога брани ,
Но поешь одну любовь.
Здѣсь гоповишься природѣ
Долгъ послѣдній заплашишь :
Сшарець плясешь въ хороводѣ ,
Жажду просишь ушопишь.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачущъ и поющъ ;
Онъ у времени скупаго
Крадешъ нѣсколько минушь.
Вошь и музы и харишы
Въ гробъ любимца увели :
Плющемъ , розами увишы
Игры вслѣдъ за нимъ пошли . . .
Онъ исчезъ , какъ наслажденье ,
Какъ веселый сонъ любви.
Смершннй , вѣкъ швой привидѣнье :
Щасстье рѣзвое лови !
Наслаждайся , наслаждайся !
Чаще кубокъ наливай !
Сшрасщью пылкой упоминайся ,
А за чашей ошдыхай !

IV.

Ч Е Р Н А Я Ш А Л Ь.

Гляжу какъ безумный на черную шаль :
И хладную душу шерзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ ,
Гречанку младую я спрасшно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня ;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей :
Ко мнѣ посмучался презрѣнный Еврей.

Съ побою пируюшь (шепнуль онъ) друзья;
Тебѣ жь измѣнила Гречанка швоя.

Я даль ему злапа и прокляль его ,
И вѣрнаго позваль раба моего.

Мы вышли: я мчался на борзомъ конѣ;
И крошкая жалосишь молчала во мнѣ.

Едва я завидѣль Гречанки порогъ...
Глаза пошемиѣли; я весь изнемогъ.

Вхожу въ опдаленный покой я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзаль Армянинъ.

Не взвидѣль я свѣта: булашь загремѣль...
Прервашь поцѣлуя злодѣй не успѣль.

**

Безглавое шѣло я долго шопшаль,
И молча на дѣву блѣднѣя взираль.

Я помню моленья . . . текущую кровь :
Погибла Гречанка , погибла любовь.

Съ главы ея мершвой снявъ черную шаль ,
Оперь я безмолвно кровавую спаль.

Мой рабъ , какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросиль шѣла.

Съ шѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей ,
Съ шѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль :
И Хладную душу шерзаешь печаль.

V.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ , неисповые клики ?
 Кого , куда зовушь и бубны и шимпань ?
 Чшо значашь радоспные лики
 И пѣсни поселянь ?
 Въ ихъ кругѣ свѣшмая свобода
 Пріяла праздничный вѣнокъ .
 Но двинулись шолпы народа . . .
 Онъ приближается . . . Вошь онъ , вошь сильный богъ !
 Вошь Бахусъ мирный , вѣчно юный !
 Вошь онъ , вошь Индіи герой !
 О радосшь ! Полныя шобой
 Дрожащъ , гошовы грянушь спруны
 Нелицемерною хвалою .

 Эванъ , эвое ! Дайше чаши ,
 Несите свѣжіе вѣнцы !
 Невольники , гдѣ ширсы наши ?
 Бѣжимъ на мирный бой , опважные бойцы !

Вошь онъ , вошь Вакхъ ! О часъ ошрадный !
Державный ширсъ въ его рукахъ ;
Вънецъ желшъетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ . . .
Течешъ . Его младые шигры
Съ покорной яростью влекушъ ;
Кругомъ лешашъ эрошы , игры ,
И гимны въ чесъ ему поюшъ .
За нимъ шъснишя козлоногій
И фавновъ и сашировъ рой ;
Плющемъ опушаны ихъ ноги ;
Бъгушъ смяшенною полпой
Во слѣдъ за быспрой колесницею :
Кпо съ шпросшниковою цѣвницею ,
Кпо съ вѣрной кружкой своею ;
Топъ ошупившисъ упадаешъ
И бархапный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаешъ
При дикомъ хохотѣ друзей .
Тамъ далѣ вижу дивный ходъ :
Звучашъ веселые шимпаны ;
Младья нимфы и сильваны ,
Сосшавя шумный хороводъ ,
Несушъ недвижнаго Силена . . .

Вино струится , брызжеть пѣна ,
 И розы сыплются кругомъ ;
 Несушь за спящимъ шарикомъ
 И ширсъ , символъ побѣдный мира ,
 И кубокъ , пияжкой золошой ,
 Подарокъ Вахха дорогой .

Но воешь берегъ опдаленный .
 Власы раскинувъ по плечамъ ,
 Вънчанны гроздемъ , обнажены ,
 Бѣгушь Вахханки по горамъ .

Тимпаны звонкіе , кружась межъ ихъ перспами ,
 Гремяшь и впоряшь ихъ ужаснымъ голосамъ .
 Промчались , лешяшь , свивающся руками ,
 Волшебной пляской полчущъ лугъ :
 И младость пылкая полпами
 Спекаешся вокругъ .

Поюшь неистовыя дѣвы ;
 Ихъ сладоспращные нащвы
 Въ сердца вливающъ жаръ любви ;
 Ихъ перси дышащъ вождельньемъ ;
 Ихъ очи , полныя безумспвомъ и помленьемъ ,
 Сказали : щасшіе лови !

Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаюшь намъ
 Спыдливосць милаго смяшенья ,
 Желанье робкое, а шамъ
 Воспоргъ и дерзосць наслажденья.

Но вошь разсыпались по холмамъ и полямъ ;
 Махая ширсами, несущся ;
 Ужь издали ихъ вопли раздаюшя ,
 И гуль имъ впорипшь по лѣсамъ :
 Эванъ , эвое ! Дайте чаши !
 Несите свѣжіе вѣнцы !
 Невольники , гдѣ ширсы наши ?
 Бѣжимъ на мирный бой , опважныя бойцы !

Друзья , въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суешы !
 Теки , вино , спруею пѣнной
 Въ чесшь Вакха , музь и красомы !
 Эванъ , эвое ! Дайте чаши !
 Несите свѣжіе вѣнцы !
 Невольники , гдѣ ширсы наши ?
 Бѣжимъ на мирный бой , опважныя бойцы !

VI.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фоншанъ живой!
Принесъ я въ даръ шебъ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ швой
И поэшическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропишь росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ опрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ былъ!...

Фоншанъ любви, фоншанъ печальной!
И я швой мраморъ вопрошаль:
Хвалу спранъ прочель я дальшой;
Но о Маріи шы молчалъ...

Свѣшило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно пы?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечпы?

Иль шолько сонъ воображенья
Въ пустынной мгль нарисоваль
Свои минушныя видѣнья,
Души неясный идеаль?

VII.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Ошмспить неразумнымъ Хозарамъ :
Ихъ села и нивы , за буйный набѣгъ ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей , въ цареградской бронѣ ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса , на встрѣчу ему ,
Идетъ вдохновенный кудесникъ ,
Покорный Перуну шарикъ одному ,
Завѣшовъ грядущаго вѣспникъ ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ.
И къ мудрому шарцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Чшо сбудеся въ жизни со мною?
И скоро ль, на радосшь сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землєю?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня!
Въ награду любаго возмешь шы коня.

Волхвы не бояшя могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненужень;
Правдивъ и свободень ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною дружень.
« Грядущіе годы шаяшя во мглѣ;
Но вижу швой жребій на свѣшломъ челѣ.

Запомни же нынѣ шы слово мое!
Воишелю слава опрада:
Побѣдой прославлено имя швое;
Твой щипъ на врапахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуешь недругъ споль дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валь
Въ часы роковой непогоды
И пращъ и спрѣла и лукавый кинжалъ
Щадящъ побѣдипшеля годы . . .
Подъ грозной броней шы не вѣдаешъ рань :
Незримый хранишель могущему дань.

Твой конь не боишся опасныхъ шрудовъ ;
Онъ , чую господскую волю ,
То смиренный споишъ подъ спрѣлами враговъ ,
То мчишся по бранному полю ,
И холодъ и сѣча ему ничего :
Но примешъ шы смершь ошь коня своего . »

Олець усмѣхнулся ; однако чело
И взоръ омрачилися думой .
Въ молчаньи , рукой опершишь на сѣдло ,
Съ коня онъ слѣзаешъ угрюмой ;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладишь и шреплешъ по шеѣ крушой .

« Прощай, мой поваричъ, мой вѣрный слуга!

Разспашься наспало намъ время:

Теперь опдыхай! Ужь не спушишь нога

Въ швое позлащенное спреля.

Прощай, ушѣшайся, да помни меня!

Вы, опроки - други, возмише коня!

Покройше попоной, мохнапымъ ковромъ;

Въ мой лугъ подъ ушцы опведише;

Купайше, кормише опборнымъ зерномъ;

Водой ключевою поише!»

И опроки пошчасъ съ конемъ опошли,

А князю другаго коня подвели.

Пируешъ съ дружиною вѣщій Олегъ

При звонѣ веселомъ спакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ ушренный снѣгъ

Надъ славной главою кургана...

Они поминаюшъ минувшіе дни

И бишвы, гдѣ вмѣспѣ рубились они.

« А гдѣ мой шоварищъ , промолвилъ Олегъ ,
 Скажише , гдѣ конь мой решивый ?
 Здравь ли ? Все шакже ль лежокъ его бѣгъ ?
 Все шощъ же ль онъ бурный , игривый ? »
 И внемлющъ ошвѣшу : на холмѣ крушомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ .

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаешъ : « что же гаданье ?
 Кудесникъ , шы лживый , безумный спарикъ !
 Презрѣшь бы швое предсказанье !
 Мой конь и донынѣ носилъ бы меня . »
 И хочешъ увидѣшь онъ косши коня .

Вощъ ѣдешъ могучій Олегъ со двора ,
 Съ нимъ Игорь и шпарые госши ,
 И видящъ : на холмѣ , у берега Днѣпра ,
 Лежашъ благородныя косши ;
 Ихъ моющъ дожди , засышаешъ ихъ пыль ,
 И въшеръ волнуешъ надъ ними ковыль .

Князь пихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: « спи , другъ одинокой !
Твой спарый хозяинъ шебя пережилъ :
На признѣ , уже недалекой ,
Не пы подѣ съкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь !

Такъ вошь , гдѣ шаплась погибель моя !
Мнѣ смершію кось угрожала ! »
Изъ мершвой главы гробовая змія
Шипя между шѣмъ выползала ;
Какъ черная ленша вокругъ ногъ обвилась :
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь .

Ковши круговые запѣнясь шипяшь
На признѣ плачевной Олега :
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидяшь ;
Дружина пируешь у берега ;
Бойцы поминаюшь минувшіе дни
И бишвы , гдѣ вмѣстѣ рубились они .

VIII.

П Ъ В Е Ц Ъ.

Слышали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Когда поля въ часъ утренній молчали ,
 Свирѣли звукъ унымый и проспой
 Слышали ль вы ?

Встрѣчали ль вы въ пустынной шмѣ лѣсной
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Слѣды ли слезъ , улыбку ль замѣчали ,
 Иль тихій взоръ , исполненный тоской ?
 Встрѣчали ль вы ?

Вздохнули ль вы , внимая тихой гласъ
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали ;
 Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ ,
 Вздохнули ль вы ?

IX.

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго? . . . Вошь? Помилуй, Фебъ!
Амурь совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жь охопа,
Чшобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведешь Эроша:
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую запѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идешь проказникъ къ Гименею . . .
А чшо шакое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчишь и дремлешь цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человекъ,

Да нравъ имѣешь онъ ревнивый.
 Опъ ревности печальный богъ
 Спокойно подремашъ не могъ ;
 Все шрусилъ маленькаго брата,
 За нимъ подсматривалъ шайкомъ ,
 И караулил супоспапа
 Съ своимъ докучнымъ фонарёмъ.
 Вошь мальчикъ мой къ нему подходишь
 И рѣчь коварную заводишь :
 « Развеселися , Гименей !
 « Ну, помиримся , будь умнѣй !
 « Забудь, шоварищъ мой любезный,
 « Раздоръ смѣшный и бесполезный !
 « Да шолько навсегда , смотри !
 « Возми жъ повязку въ памяшь , милый ,
 « А мнѣ фонарь свой подари ! »
 И что жъ ? Повѣрилъ богъ унымый.
 Амуръ опъ радости прыгнулъ ,
 И на глаза со всей онъ силы
 Обнову брату зашянулъ.
 Гимена скучные дозоры
 Съ шѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ ;
 Его зависшлвые взоры
 Теперь не спрашны красошамъ ;

**

Спокоенъ онъ , но братель коварный ,
Шуся надъ честью и надъ нимъ ,
Войну ведешь неблагодарный
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налепаетъ ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ ,
И самъ щасливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ ;
Самъ опъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ пайну дверь . . .
Пойми меня , мой другъ Елена ,
И мудрой повѣщи повѣрь !

X.

Р А З Л У К А.

Въ послѣдній разъ , въ сѣни уединенья,
 Моимъ спихамъ внимаешъ нашъ пенашъ.
     Лицейской жизни милый брашъ,
 Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
     Прошли лѣша соединенья;
 Разорванъ онъ , нашъ вѣрный кругъ.
     Прости! Хранимый небомъ ,
 Не разлучайся , милый другъ ,
     Съ свободою и Фебомъ!
 Узнай любовь , невѣдомую мнѣ ,
 Любовь надеждъ , воспорговъ , упоенья:
 И дни швои полешомъ сновидѣнья
 Да пролешашъ въ щасливой пишинѣ!
 Прости! Гдѣ бы ни былъ я: въ огнѣ ли смершной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья ,
     Святому брашшву вѣренъ я.
 И пусть (услышишь ли судьба мои молишвы?)
 Пусть будешь счастливы всѣ , всѣ швои друзья!

XI.

А Д Е Л И.

ИГрай, Адель,
Не знай печали!
Харипы, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Чась упоенья
Лови, лови!
Младья лѣша
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣша
Люби, Адель,
Мою свирѣль!

XII.

В И Н О Г Р А Д Ъ.

Не спану я жалѣшь о розахъ ,
Увявшихъ съ легкою весной ;
Мнѣ миль и виноградъ , на лозахъ
Въ киспяхъ созрѣвшій подъ горой ,
Краса моей долины злачной ,
Опрада осени злапой ,
Продолговашый и прозрачной ,
Какъ перспы дѣвы молодой.

XIII.

СТАНСЫ Т — МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣща
На грусь и скуку промѣняль,
И на лампаду Эпиктета
Злашый Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесь , балуя смертных чадъ
Всѣмъ возрастаемъ даешь игрушки :
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ , младость не приходишь вновь!
Зови же сладкое бездѣлье 8
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей ,
Живи безпечень , равнодушень !
Мгновенью жизни будь послушень ,
Будь молодъ въ юности швоей!

XIV.

У Е Д И Н Е Н І Е.

Привѣтствую тебя , пустынный уголокъ ,
 Пріющу покойствія , шрудовъ и вдохновенья ,
 Гдѣ льется дней моихъ невидимый пошокъ

На лонъ счастья и забвенья!

Я швой : я промѣнялъ порочный дворъ цирцей ,
 Роскошные пиры , забавы , заблужденья
 На мирный шумъ дубровъ , на шишину полей ,
 На праздность вольную , подругу размышленья .

Я швой : люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами ,

Сей лугъ , уставленный душистыми скирдами ,
 Гдѣ свѣшлые ручьи въ кустарникахъ шумяшъ .

Вездѣ передо мной подвижныя картины :

Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины ,

Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣеть иногда ,

За ними рядъ холмовъ и нивы полосашы ,

Вдали разсыпанныя хашы ,

На влажныхъ берегахъ бродящія спада ,

Овины дымные и мѣльницы крылашы ;

Вездѣ слѣды довольства и шруда .

Я здѣсь, опть суешныхъ оковъ освобожденной,
 Учуся въ истинѣ блаженство находишь,
 Свободною душой законъ богошворишь,
 Ропшанью не внимаешь полпы непросвѣщенной,
 Учасшьемъ ошвѣчаешь заспѣнчивой мольбѣ

И не завидовашь судьбѣ
 Злодѣя, иль глупца, въ величїи неправомъ.
 Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величавомъ
 Слышите вашъ опрадный гласъ;
 Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
 Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
 И ваши шворческія думы
 Въ душевной зрѣюшь глубинѣ.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

XV.

П Р О З Е Р П И Н А .

Плещуть волны Флегетона ,
Своды шаршара дрожащъ :
Кони блѣднаго Плущона
Быспро къ нимфамъ Пеліона
Изъ айда бога мчащъ.
Вдоль пущыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ ,
Равнодушна и ревнива ,
Пощекла пущемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льспилъ измѣна :
Прозерпинѣ смершнѣй милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зовешъ ,
Обняла , и колесница
Ужъ къ айду ихъ несешъ :
Мчашся , облакомъ одѣшы ;
Видящъ вѣчныя луга ,
Элизей и шомной Лешы

Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье , тамъ забвенье ,
Тамъ ушѣхамъ нѣшь конца.
Прозерпина въ упоеньѣ ,
Безъ порфиры и вѣнца ,
Повинуешья желаньямъ ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы ,
Въ сладостраспной нѣгѣ понешь
И молчишь и шомно спонешь...
Но бѣгушь любви часы ;
Плещушь волны Флегешона ,
Своды шаршара дрожащъ :
Кони блѣднаго Плушона
Быспро мчащъ его назадъ.
И Кереры дочь уходишь ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводишь
Пошаенною шропой ;
И счастливецъ опшираешь
Ошпорожною рукою
Дверь , ошкуда вылетаетъ
Сновидѣннй ложный рой.

XVI.

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семью моей обитель!
Да не вредяшь полямъ опасный хладъ дождя
И въпра позняго осенніе набѣги;
Да въ пору благошворны снѣги
Покроюшь влажный шукъ полей!
Оспанься шайный спражь въ наслѣдственной сѣни,
Поспигни робостью полуночнаго вора
И ошь недружескаго взора
Счастливымъ домикъ охрани!
Ходи вокругъ него забопливимъ дозоромъ,
Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калишкой вешхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скашь холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновецью.

XVII.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнуль веселія гласъ?
 Раздай песь , вакхальны припѣвы!
 Да здравствують нѣжныя дѣвы
 И юныя жены , любившія насъ!
 Полнѣ спаканъ наливайше!
     На звонкое дно
     Въ густое вино
 Завѣшныя кольца бросайше!

Подвинемъ спаканы , содвинемъ ихъ разомъ!
 Да здравствують музы , да здравствуешь разумъ!
     Ты, солнце святое , гори!
     Какъ эша лампада блѣднѣешь
     Предъ яснымъ восходомъ зари ,
 Такъ ложная мудрость мерцаешь и плѣешь
     Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
 Да здравствуешь солнце , да скроеся шма!

XVIII.

ВЪ АЛБОМЪ.

Если жизнь тебя обманешь ;
Не печалься , не сердись !
Въ день унынія смирись !
День веселья , вѣрь , наспанешь .

Сердце въ будущемъ живешь ;
Наспоящее уныло :
Все мгновенно , все пройдешь ;
Что пройдешь , то будешь мило .

XIX.

Д Р У З Ь Я М Ъ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свѣще осѣня,
Когда вы, други, опличили
Почешной чашею меня.

Чесплюбивой позолопой
Не ослѣпя нашихъ глазъ,
Она не суешной работою,
Не рѣзбою плѣняла насъ,

Но тѣмъ однимъ лишь опличалась,
Что, жажду скиѣскую поя,
Бушылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе лешаль,
И горе жизни скороспечной
И сны любви воспоминаль.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

XX.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты капишь волны голубья
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, швой шумъ призывный
Услышала я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ швоимъ
Бродилъ я тихій и шуманный,
Завѣшнымъ умысломъ шомимъ!

**

Какъ я любилъ твои опзывы ,
Глухіе звуки , бездны гласъ
И шишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы !

Смиранный парусъ рыбарей ,
Твоею прихощью хранимый ,
Скользишь безопасно средь зыбей :
Но ты выигралъ , неодолимый ;
И спая понешь кораблей .

Не удалось навѣкъ оставишь
Мнѣ скучный , неподвижный брегъ ,
Тебя восторгами поздравишь
И по хребшамъ твоимъ направишь
Мой поэпическій побѣгъ .

Ты ждалъ , ты звалъ . . . я былъ окованъ ;
Вошще рвалась душа моя :
Могучей спрасшью очарованъ ,
У береговъ оспался я .

О чемъ жалѣшь? Куда бы нынѣ
Я пушь опважный устремилъ?
Одинъ предметъ въ швоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другій опъ насъ умчался геній,
Другій власпишель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Осшавя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, швой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означень ,
Онъ духомъ созданъ былъ швоимъ :
Какъ шы , могушь , глубокъ и мрачень ,
Какъ шы , ничѣмъ неукрошимъ .

Мірѣ опустѣль . . . Теперь куда же
Меня бѣ шы вынесъ , океанъ ?

. . . . .
. . . . .

Прощай же , море ! Не забуду
Твоей поржешвенной красы ,
И долго , долго слышать буду
Твой гуль въ вечерніе часы .

Въ лѣса , въ пустыни молчаливы
Перенесу , шобою полнь ,
Твои скалы , швои заливы
И блескъ и шѣнь и говоръ волнь .

XXI.

Д Е М О Н Ъ.

Въ шѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бышїя :
И взоры дѣвъ , и шумъ дубровы ,
И ночью пѣнье соловья ;
Когда возвышенныя чувства ,
Свобода , слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь :
Часы надеждъ и наслажденїй
Тоской внезапной осыня ,
Тогда какой-то злобный генїй
Сшаль шайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи :
Его улыбка , чудный взглядъ ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неисшощимый клеветкою ,
Онъ провидѣнье искушалъ ;
Онъ звалъ прекрасное мечпою ;
Онъ вдохновенье презиралъ ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хошѣлъ.

XXII.

ПОДРАЖАНИЕ ТУРЕЦКОЙ ПѢСНѢ.

О дѣва-роза , я въ оковахъ ;
Но не спыжусь швоихъ оковъ :
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ ,
Пернашый царь лѣсныхъ пѣвцовъ ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладоспной живешъ
И нѣжно пѣсни ей поешъ
Во мракѣ ночи сладоспрасшной.

XXIII.

Т Ъ Л Е Г А   Ж И З Н И .

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Тълега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, съдое время,
Везешь, не слезешь съ облучка.

Съ утра садимся мы въ шълегу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: валяй по всѣмъ по шрѣмъ!

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Поразтрясло насъ; намъ спрашнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: попише, дуралей!

Кашишь попережнему шълега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
И время гонишь лошадей.

XXIV.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человекъ.
Въ неволѣ мрачной закашился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ власпишель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже пошомство насшаешь.

О ты, чьей памятью кровавой
Миръ долго, долго будешь полнь,
Приостанень твоею славой,
Почій среди пуспынныхъ волнь!
Великолѣпная могила. . . .
Надъ урной, гдѣ твоей прахъ лежишь,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горишь.

Давно ль орлы швои лешали
 Надъ обезславленной землей?
 Давно ли царства упадали
 При громахъ силы роковой?
 Послушны волѣ своенравной,
 Бѣдой шумѣли знамена,
 И налагалъ яремъ державной
 Ты на земныя племена.

. . . . .
 . . . . .

И Франція, добыча славы,
 Пльненный успремила взоръ,
 Забывъ надежды величавы,
 На свой блиспашельный позоръ.
 Ты вель мечи на пиръ обильный;
 Все пало съ шумомъ предъ побой:
 Европа гибла; сонъ могильный
 Носился надъ ея главой.

. . . . .
 . . . . .

Надменный, кто тебя подвигнул?
 Кто обуял твой дивный ум?
 Как сердца Русских не постигнул
 Ты с высоты отважных дум?
 Великодушного пожара
 Не предузнав, уж ты мечтал,
 Что мира вновь мы ждем как дара;
 Но поздно Русских разгадав...

Россія, бранная царица!
 Воспомни древнія права!
 . . . . .
 Пылай, великая Москва!
 Наспали времена другія:
 Исчезни крапкѣй нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
 Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видишь предъ очами,
 Онъ гибнешь, гибнешь наконецъ.

Бѣжашъ Европы ополченья ;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И шаешъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло ;
Европа свой распоргла плѣнь ;
Вослѣдъ пирану полешѣло ,
Какъ громъ , проклятіе племень.
И дмань народной Немезиды
Подъяшу видишь великанъ :
И до послѣдней всѣ обиды
Ошплачены шебѣ , пирань !

Изкуплены его спяжанья ,
И зло воиншвенныхъ чудесь
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесь.
И знойный островъ започенья
Полнощный парусъ посьшишь ,
И пушникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начершишь ,

Гдѣ , устремивъ на волны очи ,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей
И льдистый ужась полуночи
И небо Франци своей ;
Гдѣ иногда , въ своей пустынь
Засывъ войну , попомшво , пронь ,
Одинъ , одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думаль онь .

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный , кшо въ сей день
Безумнымъ возмушипъ укоромъ
Его развѣнчанную пѣнь !
Хвала ! . . . Онъ рускому народу
Высокій жребій указаль
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль .

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣсь я ни слова...
И, кажешся, мой быспрый гнѣвъ угасъ:
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго.
Не избѣжать пронзительныхъ когшей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный:
Такъ въ облакахъ кружится яспребъ жадный
И спорожишь индѣкъ и гусей.

**

II.

Охошникъ до журнальной драки ,
Сей усыпительный Зоиль
Разводишь опіумъ чернилъ
Слюнею бѣшеной собаки.

III.

У Кларисы денегъ мало ,
Ты богашь ; иди къ вѣнцу :
И богашство ей приспало
И рога шебѣ къ лицу.

IV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ : несносень Оирсъ ученый,
Педантъ надушый и мудреный :
Онъ важно судить обо всёмъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю себя , сосѣдь Пахомъ :
Ты проспо глупъ и слава Богу.

V.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шумъ о нихъ спашейку писнулъ,
И въ свѣсъ пустилъ безъ подписи жь злодѣй.
Но что жь? Ни мнѣ, ни площадному шуму
Не удалось прикрышь своихъ проказъ:
Онъ по когшамъ узналъ меня въ минушу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

VI.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

МАРАЕТЬ ОНЪ ЕДИНЫМЪ ДУХОМЪ
Лиспъ ;
Внимаешъ онъ привычнымъ ухомъ
Свиспъ ;
Пошомъ всему шерзаешъ свѣшу
Слухъ ;
Пошомъ печашаешъ : и въ Лешу
Бухъ !

VII.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ , кто въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскапельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ шрудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрышь , по милости Творца,
Ошь усыпишеля глупца ,
Ошь пробудишеля нахала !

VIII.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила! Я страдаю
Безопрядную шоской,
Я шомлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила! Ты прекрасна
И безчувственной красой.

IX.

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дишя зари.
Не говори:
Такъ вянешь младость!
Не говори:
Вопь жизни радость!
Цвѣшку скажи:
Проспи, жалю!
И на лилею
Намъ укажи!

X.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ :
Дружба , грація и младосшь
Имянинницы у насъ.
Между шѣмъ диша крылашо,
Васъ привѣщсшвуя, друзья,
Вспайнѣ думаетъ : когда-шо
Имянинникъ буду я?

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ пѣнишельная сладось
Пройдешъ вѣковъ зависпливую даль,
И, внемля имъ, вздохнешъ о славѣ младось,
Ушѣшишя безмолвная печаль
И рѣзвая задумаешя радось.

XII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ***

Судьба свои дары явишь желала въ нѣмъ,
Въ щаспливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И протодушіе съ язвительной улыбкой.

XIII.

К. А. Б.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумаешь не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумавъ, я скажу все шже.

XIV.

СТАРИКЪ.

Ужь я не пошь любовникъ спрастной,
Кому дивился прежде свѣшь :
Моя весна и лѣшо красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдь.
Амурь, богъ возраста младаго !
Я швой служитель вѣрный былъ ;
Ахъ, если бѣ могъ родиться снова,
Ужь шакъ ли бѣ я шебѣ служиль!

XV.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерный пирь,
Гдѣ веселье председаель,
А свобода, мой кумирь,
За споломъ законодаель,
Гдѣ до упра слово пей
Заглушаеть крики пѣсень,
Гдѣ просторень кругъ гостей,
А кружокъ бушмылокъ пѣсень.

XVI.

Хоть впрочем онъ поэтъ изрядный,
Эмилій человекъ *пустой*.

Да шы чѣмъ *полонъ* шупъ нарядный?

А, понимаю : самъ собой ;

Ты *полонъ* дряни, милый мой!

XVII.

ИНОСТРАНКЪ.

На языкъ , шебъ невняшномъ ,
Спихи прощальные пишу ;
Но въ заблужденіи пріяшномъ
Вниманья швоего прошу :
Мой другъ , доколъ не увяну ,
Въ разлукъ чувшво погубя ,
Богшворишь не перешану
Тебя , мой другъ , одну шебя .
На чуждыя чершы взирая ,
Върь шолько сердцу моему ,
Какъ прежде върила ему ,
Его страсшей не понимая .

**

XVIII.

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Расчешь корошокъ мой съ шобой:
Ну, шакъ, я праздень, я безъ дѣла;
А шы бездѣльникъ дѣловой.

XIX.

КЪ ***

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часпо омрачень,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой оспылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кшо разъ любилъ, ужъ не полюбить вновь;
Кшо счастье зналъ, ужъ не узнаешь счастья.
На крапкій мигъ блаженство намъ дано:
Опъ юности, опъ нѣгъ и сладоспращья
Оспанешя уныние одно.

XX.

П Р И Я Т Е Л Ю .

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій!
Тебѣ не спрашенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: шы не ревнивъ,
Я слишкомъ въпренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

X X I.

П Т И Ч К А.

Вь чужбинѣ свято наблюдаю
Родный обычай старины :
На волю птичку выпускаю
При светломъ праздникѣ весны.
Я спалъ досупень утѣшенью ;
Зачто на Бога мнѣ ропшашъ,
Когда хоть одному шворенью
Я могъ свободу даровать!

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

І.

М У З А.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиспвольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пусшаго просника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пасшуховъ.
Съ ушра до вечера въ нѣмой шѣни дубовъ
Прилѣжно я внимала урокамъ дѣвы пайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Ошкинувъ локоны ошъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тросникъ былъ оживленъ божештвеннымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ свяшымъ очарованьемъ.

II.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю : я любимъ ; для сердца нужно вѣришь.
Нѣпъ, милая моя не можешъ лицемѣришь ;
Все непришворно въ ней : желаній помный жаръ,
Спыдливость робкая , харишь безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

III.

Рѣдѣеть облаковъ лешучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребриль увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скаль вершины.
Люблю пвой слабый свѣпъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудиль, уснувшія во мнѣ:
Я помню пвой возходъ, знакомое свѣшило,
Надъ мирною спраной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ спройны пополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлешъ нѣжный миршъ и шемный кипарисъ
И сладостно шумяшъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

IV.

Ю Н О Ш А.

Шастиливый юноша, пы всѣмъ меня плѣнилъ :
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младоспи красой женоподобной.

V.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣль Нереиду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣль дохнушь:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ спруею выжимала.

VI.

Д І О Н Е Я.

Хромидъ въ себя влюбленъ : онъ молодъ , и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ ;
Ты слушаешь его , въ безмолвіи краснѣя ;
Твой взоръ пошупленный желаніемъ горитъ
И долго послѣ , Діонея ,
Улыбку нѣжную лице швое хранишь .

VII.

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравяшся и локоны злаше
И блѣдное лице и очи голубые.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Воспорги быстрые воспоргами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались;
Я шаялъ: но среди невѣрной шемношы
Другія милыя мнѣ видѣлись чершы,
И весь я полонъ былъ шаинспвенной печали
И имя чуждое успа мои шептали.

VIII.

Д Ъ В А.

Я говорилъ тебѣ : страшися дѣвы милой !
Я зналъ : она сердца влечетъ невольной силой.
Неоспорожный другъ , я зналъ : нельзя при ней
Иную замѣчать , иныхъ искать очей.
Надежду поперявъ , забывъ измѣны сладость ,
Пылаешь близъ нея задумчивая младость ;
Любимцы щаспія , наперсники судьбы
Смиренно ей несущъ влюбленныя мольбы :
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И , очи опустивъ , не внемлетъ и не видитъ .

IX.

Н О Ч Ь.

Мой голосъ для тебя и ласковый и помной
Тревожишь позднее молчанье ночи шёмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горишь; мои спихи, сливаясь и журча,
Текушь, ручьи любви, текушь полны побоею.
Во шмѣ швои глаза блистають предо мною,
Мнѣ улыбаюшся, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ...люблю...швоя...швоя!...

**

X.

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдашь различныя примѣты!
Пасшухъ и земледѣль въ младенческія лѣшы,
Взглянувъ на небеса, на западную шѣнь,
Умъюшь ужь предрѣчь и вѣспрь и ясный день
И майскіе дожди, младыхъ полей оспраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ шихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличушь швой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны шучи,
Знай: завшра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ; а ранній селянинъ,
Гошоваясь ужь коситъ высокій злакъ долинь,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузишся вновь въ лѣнивую дремошу.

XI.

З Е М Л Я   И   М О Р Е .

Когда по синевѣ морей
 Зефиръ скользишь и шихо вѣешь
 Въ вѣприла гордыхъ кораблей
 И челны на волнахъ лелѣешь,
 Забошь и думъ слагая грузъ,
 Тогда лѣнюсь я веселѣ
 И забываю пѣсни музъ:
 Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
 Когда же волны по брегамъ
 Рѣвущъ, кипящъ и пѣной плещущъ
 И громъ гремишь по небесамъ
 И молни во мракъ блещущъ,
 Я удаляюсь ошь морей
 Въ госпепрїимныя дубровы:
 Земля мнѣ кажешся вѣрнѣй
 И жалоць мнѣ рыбаць суровѣй;
 Живешъ на ушломъ онъ челнѣ,
 Игралище слѣпой пучины;
 А я въ надежной шишинѣ
 Внимаю шумъ ручья долины.

XII.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играешь локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ!

П О С Л А Н І Я.

ПОСЛАНИЯ

I

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вънчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Вешулій молодой
Въ толпу народную лешипь по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клоняпъ;
Смотри, какъ ликшоры народъ несчастный гоняпъ!
Льщепцовъ, сенапоровъ, прелеспницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ спремипъ усердный взглядъ;
Ждушъ, ловяпъ съ шрепешомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будшо дивнаго боговъ благословенья;
И дѣши малыя и шарцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почешный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кшо васъ порабошилъ и власпью оковалъ?

Квиришы гордые подь иго преклонились
(Скажу ль?) Вешулія! Опчизны спыдь моей,
Развращный юноша возсѣль въ совѣпть мужей;
Любимецъ деспота сенапомъ слабымъ правишь,
На Римъ просперь яремъ, опечество безславишь;
Вешулій Римлянъ царь!... О спыдь, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подь поршикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идешь?
Куда ты нашъ мудрецъ, другъ испины, Дамешъ!
Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оспаваю Римъ: я рабство не навигу.
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смирненно поклонясь форшунѣ и мечшамъ,
Сѣдаго циника примѣромъ научишься?
Съ развращнымъ городомъ не лучше ль намъ проспиться,
Гдѣ все продажное: законы, правоша,
И консуль и шрибунъ, и чешь и красоша?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопышность другихъ въ наемну ловишь съшь!
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣшь;
Тщеславной юноши оспавимъ блескъ веселій:

Пускай безстыдный Клишъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуюшъ подлостью и съ дерзоспнымъ челомъ
 Опъ знашныхъ къ богачамъ ползущъ изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипишь въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлешь духъ великаго народа.
 Лициній, постышимъ далеко опъ забошь,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красощъ!
 Зависпливой судьбы въ душъ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ опеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ роощъ, на берегу морскомъ,
 Найши неспрудно намъ укромный, свѣшлый домъ,
 Гдѣ, больше не спрашась народнаго волненья,
 Подъ спарощъ опдохнемъ въ глуши уединенья.
 И шамъ, расположась въ уюшномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ спарину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ возпламеню жестпокимъ Ювеналомъ,
 Въ саширѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ попомшву обнажу.
 О Римъ, о гордый край развраша, злодѣянья!
 Придешъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падешъ, падешъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,

Съ мечами на себя подымушь мощны дани ,
И горы и моря оставяшь за собой
И хлынушь на себя кипящею рѣкой.
Исчезнешь Римъ ; его покроешь мракъ глубокой ;
И пушникъ , усремивъ на груди камней око ,
Воскликнешь , въ мрачное раздумье углублень :
« Свободой Римъ возрость , а рабствомъ погублень . »

II.

В * * * М У.

Прости, щасливый сынъ пировъ,
 Балованный дитя свободы,
 Любимецъ музъ, поклонникъ моды
 И Терпсихоры и стиховъ!
 Ты въ жизни любишь перемѣну:
 Ты скачешь въ мирную Москву,
 Гдѣ сладко дремлюшь наяву
 И наслажденьямъ знаюшь цѣну.
 Разнообразной и живой
 Москва плѣняетъ песпрошой,
 Старинной роскошью, пирами,
 Невѣсками, колоколами,
 Забавной, легкой суешой,
 Невинной прозой и стихами.
 Ты шамъ на шумныхъ вечерахъ
 Увидишь важное бездѣлье,
 Жеманство въ шишихъ кружевахъ,
 И глупость въ золошихъ очкахъ,

И шаяжкой знашности веселье,
И скуку съ каршами въ рукахъ.
Всего минушный наблюдашель,
Ты посмѣшьясь подь рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожашель
Забавь и лѣни золошой,
Держася моего совѣша
И волю всей душой любя,
Оспавишь кругъ большаго свѣша
И жипь рѣшишься для себя.
Уже въ пріюштѣ опдаленномъ
Я вижу мысленно себя:
Кипишь въ бакалѣ опѣненномъ
Аи холодная спруя;
Въ гуспомѣ дыму лѣнивыхъ шрубокъ,
Въ халашахъ, новые друзья
Шумяшъ и пьюшъ; задорный кубокъ
Обходишь ихъ безумный кругъ,
И мчишься въ радосняхъ досугъ;
А шамъ египешскія дѣвы
Лешаюшъ, вьюшся предъ шобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Спонь нѣги, вопли, дикій вой;
Ихъ испушленные движенья,

Огонь неистовыхъ очей,
И все, мой другъ; въ душѣ швоей
Раждаешъ шрепешъ упоенья. . . .
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаешъ плѣнница младая;
Весь день уныла и шомна,
Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачешъ подь окномъ
Ошъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смошришь на пустынный домъ,
Гдѣ мы шакъ часшо пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и шобой,
Куда съ надеждой и шоской
Ея желанья улешали.
О скоро ль милаго найдущъ
Ея пошупленные взоры,
И предъ любовью упадущъ
Замковъ ревнивые зашворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживишся?
Когда прискачешъ, милый другъ?
Душа вослѣдъ шебъ спремится.
Гдѣ бь ни былъ шы, возми вѣнокъ

Изъ рукъ младаго сладоспращья,
И докажи, чшо ты знашокъ
Въ невѣдомой наукѣ щасья.

III.

П * * * Н У.

Что восхищительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Крoвaвыхъ и пусшыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завиднѣй крашкихъ дней
Неслишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ испинныхъ гусаровъ?
Они живушь въ своихъ шапрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
Какъ жилъ безсмертннй прусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаюшь свѣша принужденья,
Не вѣдаюшь, что скука, страхъ;
Даюшь обѣды и сраженья,
Поюшь и рубящся въ бояхъ.
Щаспильв, кшо миль и спрашенъ міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремить правдивая хвала;

Кто славил Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

Ш***ОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эрапой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Цишерой,
 Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный пипомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашашъ игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою щаспливую качали колыбель.

Друзей любишь опкрышою душою,
 Въ молчаньи чувствовашъ, пѣняшся красошою:
 Вошь жребій мой; ему я слѣдовашъ гошовъ,

Но, милый, сжался надо мною,

Не шребуй опъ меня стиховъ!

Невѣчно нѣжись въ пріятномъ ослѣпленьи:

Докучной испины я поздній вижу свѣшь.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи

Мечтѣ шепнувшей: пы поэшь,

И, презря мудрые угрозы и совѣшы,

**

Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплешы
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я презвѣй межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными спихами;
Мечшашельныхъ Доридъ и славиль и бранилъ,
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ : и дружество зѣвало
И сонные спихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили Парнаскія забавы ;
Недолго снились мнѣ мечшанья музъ и славы :
И, спрогимъ опышомъ невольню пробуждѣнь,
Уснуй межъ розами , на шерняхъ я проснулся ,
Увидѣль, что еще не генія печать
Охоша смершная на риомахъ лепешать,
Сравнивь спихи швои съ моими, улыбнулся :
И полно мнѣ писать.

V.

ДЕЛВИГУ.

Любовью , дружествомъ и лѣнью
 Укрытый опъ забошъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью!

Въ уединеніи ты щасливъ : ты поэтъ.
 Наперснику боговъ неспрашны бури злыя :
 Надъ нимъ ихъ промысль высокій и свяпой ;
 Его баюкаюшъ камни молодыя
 И съ перстомъ на ухахъ храняшъ его покой.
 О милый другъ , и мнѣ богини пѣснопѣнья
 Еще въ младенческую грудь
 Вліяли искру вдохновенья
 И шайный указали пушъ :
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья
 Младенцемъ чувствовашъ умѣль,
 И лира спала мой удѣль.
 Но гдѣ же вы , минушы упоенья ,
 Незьяснимый сердца жаръ,
 Одушевленный шрудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣшь, нѣшь, ни щасіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи щаспливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можешь бышь, вздохну въ воспоргѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

VI.

КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосѣльемъ :
Право, намъ шакимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть оспылой жизни чашу
Тянешь медленно другой ;
Мы жь упрашимъ юношь нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой ;
Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ ,
И шолпою наши шѣни
Къ шихой Лешѣ убѣгушь ;

Смершнй мигъ нашъ будешъ свѣшель:
И подруги шалуновъ
Соберушь ихъ легкй пепель
Въ урны праздныя пировъ.

VII.

А Л Е К С Ъ Е В У.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечпы!
Я позабыль любви призывы
И плѣнь опасной красоты.
Свободы другъ миролюбивый,
Въ шолпѣ красавицъ молодыхъ
Я равнодушный и лѣнивый
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣшный лепеть
Уже невласны надо мной.
Забыло сердце нѣжный прелепъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться шрудно,
Вздыхашъ неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣришь безразсудно,
Мужей обманывашъ грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Барашинскій, я швержу:
«Нельзя ль найши подруги нѣжной,

«Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставляя счастья призрак ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я спалъ наперсникъ оспорожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ испущенной,
Тоскуя, плачешь предо мной
И для красавицы надменной
Клянешся жершвовашъ собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ воспоргомъ изъясняешь онъ
Неясныхъ, шемныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянешъ ревниваго супруга,
Или докучливую машь:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминушнымъ повшореньямъ
Люблю съ учаспіемъ внимашъ;
Я льщу слѣпой его надеждъ,
Я молодъ юношью чужой
И говорю: шакъ было прежде
Во время оно и со мной.

VIII.

К***НУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея порпретъ ,
Чершы волшебницы прекрасной ?
Таланшовъ обожашель спрасшной ,
Я прежде былъ ея поэтъ .
Съ досады , можешъ бышь , напрасной ,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блишала славой ,
Я свиспомъ гимны заглушилъ .
Погибни злобы мигъ единой !
Погибни лиры ложный звукъ :
Она виновна , милый другъ ,
Предъ Мельпоменой и Моиной .
Такъ легкомысленной душой ,
О боги , смершный васъ поносить ;
Но вскорѣ препенной рукой
Вамъ жершвы новыя приносить .

IX.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ , когда передъ побой
Во мгль сокрылся мѣръ земной,
Мгновенно швой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣль
И въ хорѣ свѣшлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣль.

О милый братъ , какіе звуки !
Въ слезахъ воспорга внемлю имъ :
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый мѣръ :
Ты въ немъ и видишь и лепашь
И вновь живешь и обнимаешь
Разбитый юноши кумирь.

А я , коль спихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль опрады ,

Я не хочу другой награды :
Недаромъ шемною спезёй
Я проходилъ пустыню міра ,
О нѣшь, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

X.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умильнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце разпаляшь
 И шихимъ, сладоспнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывашь?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Спыдливосши пришворный видъ,
 Движеній помная небрежность
 И пренешъ уснѣ и жарь ланишъ?
 Напрасны хипрѣ спаранья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣшъ...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой опвѣшъ.
 . . . . .
 Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обихели презрѣнной
 Кшо смѣлой не спучаль рукой?
 Нѣшъ, нѣшъ, другому свой завялый

Неси , прелестница , вѣнокъ ;
Ласкай неопытный порокъ ,
Въ твоихъ объятіяхъ успалый ;
Но гордый замыселъ забудь :
Не привлечешь пипомца музы
Ты на предательную грудь !
Неси другимъ наемны узы ,
Своей любви постыдный торгъ ,
Корысти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И златомъ купленный восторгъ !

XI.

N. N.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худый, обришый, но живой:
Его мучительная лапа
Не шягошѣеть надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладоспный покой,
Какъ прежде, посѣшили снова
Мой уголь шѣсный и проспой.
Упѣшь и шы полубольнаго!
Онъ жаждешъ видѣшся съ шобой,
Съ шобой, щасшливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
Венеры въшпренный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суешы сполицы праздной,
Отъ хладныхъ прелесшей Невы,
Отъ вредной сплешницы молвы,

Отъ скуки , споль разнообразной ,
Меня зовушь холмы , луга ,
Тѣниспы клены огорода ,
Пусынной рѣчки берега
И деревенская свобода.

• • • • •
• • • • •

XII.

Ч*** В у.

Кь чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ, крови жаждущимъ, богамъ
 Дымились жертвоприношенья;
 Здѣсь успокоена была
 Вражда свирѣпой эмениды:
 Здѣсь провозвѣспница Тавриды
 На брата руку занесла;
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы поржештво,
 И душъ великихъ божештво
 Своимъ созданьемъ возгордилось.

. . . . .

Ч***, помнишь ли бывое?
 Давно ль съ воспоргомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предашь развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,

Теперь и лёнъ и шишина,
И, въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

XIII.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламеняшь
Воображеніе поэшовъ,
Его шревожишь и плѣняшь
Любезной живостью привѣшовъ,
Воспочной спранностью рѣчей,
Блиспаньемъ зеркальныхъ очей
И эпой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги помной
Для упоенія спрасшей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечшахъ небесныхъ рисоваль
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь не себя ль изображалъ
Поэшь мучительный и милый?
Бышь можешь, въ дальней споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя спрадалецъ вдохновенной
Узналь, иль видѣль, какъ во снѣ,

И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можешь, лирою щасливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепеть возникалъ
Въ швоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечшы ревливой
Пишашъ я пламя не хочу:
Мнѣ долго щасье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждашься имъ,
И, шайной грустїю помимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

XIV.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинь,
 Покрышый кровію свяшой,
 Чудесный швой ошець, пресступникъ и герой,
 И ужаса людей и славы былъ достоинь.
 Тебя младенца онъ ласкаль
 На пламенной груди рукой окровавленной;
 Твоей игрушкой былъ кинжалъ
 Брапоубійствомъ изощренной.
 Какъ часпо, возбудивъ свирьпой месши жарь,
 Онъ молча надъ швоей невинной колыбелью
 Убійспва новаго обдумываль ударь
 И лепешь швой внималь и не былъ чуждь веселью!
 Таковъ былъ : сумрачный , ужасный до конца.
 Но шы, прекрасная, шы бурный вѣкъ опца
 Смиреной жизнию предъ небомъ изкупила :
 Съ могилы грозной къ небесамъ
 Она, какъ сладкій өміамъ,
 Какъ чисшая любви молишва возходила.

XV.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечшательному міру
Спрямясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Неперѣливою рукой;
Когда смѣняюся видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлеть на чель:
Ты правъ, шворишь ты *для немногихъ*,
Не для зависливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей шаланша сстрогихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбишь щасье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блажень, кто знаешь сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ;

Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И швой воспоргъ уразумѣлъ
Воспоргомъ пламеннымъ и яснымъ!
Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Чишаешь повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ шамъ, въ дыму спольшій:
Предъ нимъ волнуется толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣши,
Съ сынами доблести прямой;
Спѣ сна воскресшими вѣками
Онъ бродишь шайно окружёнъ
И благодарными слезами
Карамзину приносишь онъ
Живой души благодаренье
За мигъ воспорга золошой,
За благашворное забвенье
Безплодной суеты земной:
И въ немъ шрепещешь вдохновенье.

XVI.

Ч*** В У.

Въ странѣ , гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой ,
Тебя недоспаетъ душѣ моею успалой.
Врагу снѣснительныхъ условій и оковъ ,
Нешрудно было мнѣ отвыкнутьъ опъ пировъ ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ , тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Осваивая шумный кругъ безумцевъ молодыхъ ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ ,
Вздыхнувъ , оставилъ я другія заблужденія ,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья ,
И , съши розорвавъ , гдѣ бился я въ плѣну ,
Для сердца новую вкушаю шишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и шихій шрудъ и жажду размысленій.
Владѣю днемъ моимъ ; съ порядкомъ друженъ умъ ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ ;

Ищу вознаградишь въ обяпіяхъ свободы
 Мяшежной младоспью упраченные годы
 И въ просвѣщеніи спашь съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыгнулись;
 Цѣвницы брошенной успа мои коснулись;
 Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
 Пою мои мечшы, природу и любовь,
 И дружбу вѣрную и милые предметы,
 Пльнявшіе меня въ младенческія лѣты,
 Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботы, ни цѣли, ни системы,
 Я пѣнемъ оглашала пріюсть забавъ и лѣни
 И Царскосельскія хранишельныя сѣни.
 Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ни музы, ни шруды, ни радости досуга,
 Ничшо не замѣнишь единственнаго друга.
 Ты былъ цѣлшелемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвящилъ
 И крапкѣй вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можешь бышь, спасенныя побою!
 Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ пошомъ въ волненіи спрасшей

Я шайно изнываль, спрададецъ упомянутой ;
 Въ минушу гибели надъ бездною помянутой
 Ты поддержаль меня недремлющей рукою ;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой ;
 Во глубину души вникая строгомъ взоромъ,
 Ты оживляль ее совѣтомъ или укоромъ ;
 Твой жаръ воспламеняль къ высокому любовь ;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь ;
 Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть :
 Умѣль я презирашь, умѣя ненавидѣть .

. . . . . 9.

Мнѣ ль было съговаривать о полкахъ шалуновъ ,
 О лепешаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ ,
 И сплешней разбирашь игривую заштѣю ,
 Когда гордишься могъ я дружбою швоею ?
 Благодарю боговъ : прошель я мрачный пушь ;
 Печали раннія мою шѣснили грудь :
 Къ печалямъ я привыкъ , расчелся я съ судьбою ,
 И жизнь перенесу стоической душою .
 Одно желаніе : ошпанься ты со мной !
 Небесь я не шомилъ молишвою другою .
 О , скоро ли , мой другъ , насшанешъ срокъ разлуки ?
 Когда соединимъ слова любви и руки ?
 Когда услышу я сердечный швой привѣтъ ?

Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечшатель
И въпренной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домохъдъ,
Съ побою вспоминашь бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвцевъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
И щасливъ буду я: но только ради Бога
Гони ты *** ошь нашего порога!

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ¹⁰.

(Посвящено П. А. Осиповой.)

I.

Клянусь чешой и нечешой,
Клянусь мечемъ и правой бившвой,
Клянуся ушренной зарей,
Клянусь вечернею молишвой¹¹:

Нѣшь, не покинулъ я себя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввель, главу его любя,
И скрыль ошь зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пуспынными водами?
Не я ль языкъ швой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жь, презирай обмань,
Спезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиропь, и мой корань
Дрожащей швари проповѣдуй!

II.

О жены чистыя пророка!
 Опъ всѣхъ вы женъ ошличены:
 Спрашна для васъ и пѣнь порока.
 Подъ сладкой сѣнью пишины
 Живите скромно! Вамъ приспало
 Безбрачной дѣвы покрывало.
 Храните вѣрныя сердца
 Для нѣгъ законныхъ и спыдливыхъ!
 Да взоръ лукавый нечестивыхъ
 Не узришь вашего лица!

А вы, о госпи Магомеша,
 Спекаясь къ шрапезѣ его,
 Брегитесь суешами свѣша
 Смушите пророка моего!
 Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
 Не любите онъ велерѣчивыхъ

И словъ нескромныхъ и пусшыхъ :
Почтите пирь его смиреньемъ ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ ¹² !

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Сльпца послышавъ приближенъе ¹³:
Бѣжишь, да не дерзнешь порокъ
Ему являшь недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для спрошпивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечеспивыхъ!

Почто жь кичишься человекъ?
За шо ль, что нагъ на свѣшъ явился,
Что дышишь онъ недолгій вѣкъ,
Чшо слабъ умреть, какъ слабъ родился?

**

За то ль, что Богъ и умершвишь
И воскресишь его по волю?
Ч.по съ неба дни его хранишь
И въ радосняхъ и въ горькой долѣ?

За то ль, что даль ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель возшрубить;
На землю громъ небесный грянешь:
И брашъ ошъ брата побъжишь
И сынъ ошъ матери ошпрянешь.

И всѣ предъ Бога припекушь,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падушъ,
Покрышы пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою дравль , о Всесильный,
Могучій соспязашся мниль ,
Безумной гордостью обильный ;
Но Ты , Господь , его смириль .
Ты рекъ : Я міру жизнь дарую ,
Я смертью землю наказую ,
На все подьяша длань моя .
Я шакже , рекъ онъ , жизнь дарую ,
И шакже смертью наказую :
Съ Тобою , Боже , равень я .
Но смолкла похвальба порока
Ошь слова гнѣва Твоего :
Подьемлю солнце я съ востока ;
Съ закаша подыми его !

V.

Земля недвижна ; неба своды ,
Творецъ, поддержаны Тобой ,
Да не падушъ на сушь и воды
И не подавяшь насъ собой ¹⁴!

Зажегъ Ты солнце во вселенной ,
Да свѣшишь небу и землѣ ,
Какъ лень, елеемъ напоенной ,
Въ лампадномъ свѣшишь хрусталѣ.

Творцу молишесь ; Онъ могучій :
Онъ правишь въпрямъ ; въ знойный день
На небо насылаешь лучи ;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ : Онъ Магомешу
Открылъ сіяющій коранъ ,
Да прищечемъ и мы ко свѣшу
И да падешь съ очей шуманъ.

VI.

Не даромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обришыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на спѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣши пламенныхъ пуспынь!
Ведите въ плѣнь молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясъ добычей боевою
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекупъ : возмише насъ съ собою ,
Но вы скажише : не возмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи :
Теперь они вошли въ эдемъ
И пошонули въ наслажденьи ,
Неошрвляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань , боязливый!
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.
Сердечной молитвой,
Пророкъ , удали
Печальныя мысли ,
Лукавыя сны !
До утра молитву
Смиренно твори ;
Небесную книгу
До утра чишай !

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищешою,
Не сыпь своихъ даровъ расчепливой рукою:
Щедроша полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ шучной,
    О сѣяшель благополучной,
Спорицею воздашь она швоимъ шпрудамъ.

Но если, пожалѣвъ шрудовъ земныхъ шпяжанья,
Вручая нищему шкупое подаянье,
Сжимаешь шы свою зависпливую длань;
Знай: всѣ швои дары, подобно горшти пыльной,
    Чшо съ камня моешь дождь обильной,
Ичезнущь, Господомъ опшверженная дань.

IX.

И пущникъ успалый на Бога ропсаль :
Онъ жаждой помился и шѣни алкаль.
Въ пущынь блуждая при дня и при ночи ,
И зноемъ и пылью шягчимыя очи
Съ поской безнадежной водиль онъ вокругъ,
И кладезь подъ пальмою видипъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пущынной онъ бѣгъ успремилъ
И жадно холодной спруей освѣжилъ
Горѣвшіе шяжко языкъ и зѣницы ,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы :
И многіе годы надъ нимъ протекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Наспаль пробужденья для пупника часъ ;
Вспаешь онъ и слышишь невѣдомый гласъ :
« Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко ? »
И онъ отвѣчаешь : ужь солнце высоко
На ушреннемъ небѣ сіяло вчера ;
Съ ушра я глубоко проспаль до ушра.

Но голосъ : « о пупникъ , ты долѣ спаль ;
Взгляни : легъ ты молодъ , а спарцемъ воспаль ;
Ужъ пальма изплѣла , а кладезь холодной
Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной ,
Давно занесенный песками степей ,
И косши бѣлюшь ослицы швоей . »

И горемъ обяпый мгновенный спарикъ ,
Рыдая , дрожащей главою поникъ...
И спранное чудо тогда совершилось :
Минувшее въ новой красѣ оживилось ;
Вновь зыблется пальма шѣниспой главой ;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И вѣхія кости ослицы вѣшаютъ ,
И шѣломъ одѣлись, и ревъ издають ;
И чувствуешь пушникъ и силу и радость ;
Въ крови заиграла воскресшая младость ;
Свяшые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ оны далѣ пускаешся въ пушь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr

Anime le soir d'un beau jour,

Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

(V. Les derniers vers d'André Chénier.)

2. У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.):

одинъ изъ друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

3. II Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses jambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

5. Онъ былъ казненъ 8 шермидора, ш. е. наканунѣ низверженія Робеспіера.
6. На роковой пѣлгѣ взяли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Русе, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. C'étoit la première scène d'Andromaque.
- (H. de la Touche.)
7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.
8. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ поэтъ шупишь надъ философією эпикурейцевъ. Читатель безъ сомнѣнія не будетъ смѣшивать чисныхъ, душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственныхными.
9. Всѣ пропуски въ стихотвореніяхъ, означенные почками, сдѣланы самимъ авторомъ.
10. « Нечестивые, пишешь Магомешъ (глава Награды), думаюшь, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень. » Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній.

Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ ошъ своего имени, а о Магометѣ упоминаешся шолько во второмѣ, или шрешемѣ лицѣ.

11. Въ другихъ мѣспахъ корана Алла клянешся копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣшелію и порокомѣ, ангелами и человѣкомѣ и проч. Странный сей респорическій оборотъ встрѣчаешся въ коранѣ поминушно.
12. «Мой пророкъ, прибавляешъ Алла, вамъ эшаго не скажешъ, ибо онъ весьма учшивъ и скромень; но я не имѣю нужды съ вами чинишся.» и проч. Ревность Араба шакъ и дышишъ въ сихъ заповѣдахъ.
13. Изъ книги *Слѣпецъ* (*Тифля*). Вошъ, почему слово сіе почитаешся у Турковъ за жесточайшую брань.
14. Плохая физика; но за шо какая смѣлая поэзія!

К О Н Е Ц Ъ .

23 9

Ст. 17 1820

